

Научная статья
УДК 316.356.2(571.52)
<https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>

Распределение гендерной власти в современной тувинской семье

Органа Доржуевна Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия,
nod695596@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1833-4810>

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с особенностями распределения гендерной власти в современной тувинской семье на основе социологического исследования, проведенного автором в 2020–2021 гг. На основе историко-этнографического экскурса автором выделены этапы трансформации гендерного порядка в тувинском обществе и семье. Для определения специфики современного гендерного порядка исследованы вопросы главенства с точки зрения нормативного, ценностного восприятия того, кто должен быть главой семьи, и фактического соотношения статусно-ролевых позиций мужчин и женщин в семье. На основе анализа субъектов принятия финансовых решений, распоряжения семейным бюджетом исследована гендерная власть в семье. Проведен сравнительный анализ распределений ответов мужчин и женщин относительно гендерных стереотипов. Сделан вывод о том, что с точки зрения нормативного, ценностного восприятия как мужчины, так и женщины декларируют главенство мужчин в семье, вместе с тем социально одобряемое главенство мужчин не совпадает с фактическим распределением власти в семье и ролью мужчин в принятии решений. Исследование показало, что женщины в тувинских семьях в большей степени склонны к эгалитаризму, а также самостоятельности в принятии решений.

Ключевые слова: тувинская семья, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерный порядок, гендерная власть, лидерство в семье, принятие финансовых решений

Для цитирования: Натсак О.Д. Распределение гендерной власти в современной тувинской семье // Теория и практика общественного развития. 2022. № 2. С. 28–36. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3>.

Original article

The distribution of gender-based authority in the modern Tuvan family

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government
of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia,
nod695596@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1833-4810>

Abstract. The author examines issues related to the transformation of the gender-based order in the Tuvan family on the basis of a sociological study of the modern Tuvan family conducted by the author in 2020–2021. To determine the specifics of the modern gender-based order, the issues of family primacy are studied from the point of view of the normative, value perception of who should be the head of the family, and the actual correlation of the status and role positions of men and women in the family. Based on the analysis of the features of financial decision-making, family budget management, gender-based authority in the family is investigated. A comparative analysis of the distribution of responses of men and women regarding gender stereotypes was carried out. It is concluded that from the point of view of normative, value perception, both men and women declare the primacy of men in the family, at the same time, the socially approved primacy of men does not coincide with the actual distribution of authority in families and the role of men in decision-making. Women are more inclined to egalitarianism, independence in decision-making.

Keywords: Tuvan family, gender roles, gender stereotypes, gender-based order, gender authority, leader-based ship in the family, financial decision-making

For citation: Natsak, O.D. (2022) The distribution of gender-based authority in the modern Tuvan family. *Theory and Practice of Social Development*. (2), 28–36. Available from: [doi:10.24158/tipor.2022.2.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2022.2.3) (In Russian).

Введение. В социологической литературе активно исследуются вопросы трансформации гендерных отношений в современной российской семье – можно отметить работы Г.Г. Силласте (2020), И.С. Клециной, С.А. Векиловой (2020), О.А. Ефановой, М.П. Пискаковой-Паркер (2020). Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные институтам гендерной власти в современных семьях (Базуева, 2012). Особенности гендерных стереотипов в современной российской семье анализировались О.Н. Калачиковой, М.А. Груздевой (2019), М.К. Карповой, Э.О. Бученковой (2021).

Исследование гендерных проблем в современном тувинском обществе на основе этносоциологических исследований наиболее полно представлено в работе З.В. Анайбан «Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ (2005)». Указанным автором исследовалось влияние социально-экономических преобразований в России на изменение роли женщин в основных сферах жизнедеятельности: в области социально-экономических, общественно-политических отношений, в семье и культуре. На данном этапе это единственное гендерное исследование, базирующееся на обширном эмпирическом материале, где проанализированы изменения гендерного уклада в тувинском обществе в период социальных трансформаций. Вместе с тем вопросы гендерного порядка в современных тувинских семьях остаются практически неизученными.

Исследование гендерного разделения власти в семье является актуальной научной задачей в контексте продолжающейся трансформации гендерного порядка в тувинском обществе в целом под влиянием экономических, социокультурных процессов конца XX – начала XXI вв.

Целью настоящей статьи является исследование гендерной власти в современной тувинской семье. Для достижения этой цели были поставлены задачи изучения на основе эмпирического социологического исследования современных гендерных отношений таких явлений, как главенство в семье, специфика существующих гендерных стереотипов, гендерное измерение принятия решений в семье. Именно эти показатели являются маркерами социетальных изменений, происходящих в тувинском обществе.

Полученные данные могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных гендерным вопросам в современном тувинском обществе и семье.

В статье использованы количественные методы социологического исследования, методы статистического и общенаучного анализа.

Описание исследования. Исследование, на основе которого была подготовлена настоящая статья, было проведено автором в декабре 2020 г. – январе 2021 г. Генеральную совокупность, служащую основой для подготовки дизайна выборки при проведении исследования, составили все брачные пары, проживающие на территории Республики Тыва (далее – РТ).

Основной информационной базой являлись статистические данные Росстата: Всероссийской переписи населения 2010 г. по территориальному распределению брачных пар, распределение численности населения РТ по муниципальным образованиям (на 1 января 2020 г.), распределение численности населения РТ по полу и возрасту (на 1 января 2020 г.).

Данные по количеству брачных пар по муниципальным образованиям 2010 г. были сопоставлены с данными численности населения по муниципальным образованиям на 01.01.2020 г. Разница по основным параметрам (по городскому и сельскому населению, половозрастному распределению брачных пар и населения, а также по доле населения районов в общей численности РТ) не составляет $\pm 1\%$.

В дизайне выборки использовалась модель многоступенчатой стратифицированной выборки. Был определен необходимый размер выборочной совокупности, который составил 380 ед., но с учетом погрешности метода было принято решение увеличения выборки до 450 ед. Квотно-пропорциональная выборка учитывала основные социально-демографические подгруппы населения. В каждом домохозяйстве опрашивался один из супругов.

Методом сбора информации являлось личное интервью, проводившееся по формализованному опроснику на русском языке с применением параллельного устного перевода интервьюерами на тувинский язык в случае необходимости.

В статье использованы концепции гендерного порядка и гендерной власти. Гендерный порядок, как отмечала Г.Г. Силласте, в своей основе представляет триединство социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и их решению (Силласте, 2020: 17).

Под гендерной властью Е.В. Базуева, например, понимает потенциальную возможность субъекта власти осуществлять воздействие на поведение объекта власти посредством угрозы применения санкций с целью максимизации собственной функции полезности в условиях асимметрии распределения экономических ресурсов (Базуева, 2013: 85).

Историко-этнографический экскурс. В истории тувинского общества было несколько этапов трансформации гендерного порядка. Определенно можно выделить пять этапов эволюции гендерного порядка: традиционный, модернизационный, советский, постсоветский кризисный, современный.

Традиционный гендерный порядок в тувинском обществе и семье можно реконструировать на основе этнографических данных, отраженных в работах русских и зарубежных исследователей, которые предприняли путешествия в Туву¹ с разными целями и миссиями в конце XIX –

¹ В дореволюционных работах русских исследователей, путешественников применительно к Туве используются названия «Сойотия», «Урянхайский край».

начале XX в. (Е.К. Яковлев, Д. Каррутерс, Ф.Я. Кон, А.А. Адрианов, В.М. Родевич, Л. Шварц, Г.Е. Грумм-Гржимайло и др.). Поскольку они не всегда были этнографами, антропологами или историками, сведения об особенностях гендерного порядка у тувинцев, содержащиеся в этих работах, достаточно скупы и отрывочны, но вместе с тем они как опубликованные источники, зафиксировавшие картину бытовой, семейной, хозяйственной жизни тувинцев в конце XIX – начале XX вв., весьма ценны для современных исследователей.

В этих работах, прежде всего, мы видим отражение традиционной модели, характерной для многих народов того периода: мужчина – добытчик, женщина – хозяйка. По информации Е.К. Яковлева, тувинские мужчины занимались охотой, скотоводством, кузнечным делом, женщины – собирательством, выделкой шкур (Яковлев, 1900: 42, 63). Д. Каррутерс отмечал, что большая часть домашней работы лежала на женщинах (Каррутерс, 1914: 235). Оценки В.М. Родевича были аналогичными: «Домашнее хозяйство и работу ведут женщины. Сам сойот по преимуществу праздни» (Родевич, 1910: 23–24). Г.Е. Грумм-Гржимайло полагал, что такие оценки мужской занятости среди тувинцев не совсем правильны с учетом физических затрат, лишений и трудностей, связанных с тем же охотничьим промыслом: «Отмечаемое у сойотов мужское тунеядство представляет лишь явление кажущееся» (Грумм-Гржимайло, 1926: 101). Грумм-Гржимайло первым из исследователей четко охарактеризовал место женщины во властных отношениях внутри семьи: «Женщины не ограничиваются ролью самки, на ней большой физической труд, значительная часть семейных забот. Самостоятельности и инициативе женщины не ставится препон. Там не может быть ее строгого подчинения мужчине» (Грумм-Гржимайло, 1926: 100). По сведениям Л. Шварца, начальника Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества в Сойотию в 1853–1858 гг., «женщины пьют арак и курят табак наравне с мужчинами» (Землевание Азии...¹, 1877: 665). Это может указывать на отсутствие определенных запретов, ограничивающих поведение женщин.

Ф.Я. Кон² также указывал на то, что положение женщины зависит от зажиточности и положения, занимаемого мужем: «В богатых семьях жены ничего не делают, в бедных семьях [женщина – О.Н.] завалена работой» (Кон, 1934: 137). Согласно этнографическим наблюдениям А.А. Адрианова³, «мужчины перед женщинами имели большие преимущества и предпочтение, а женщины пользуются самостоятельностью» (Адрианов, 2007: 107–108).

Таким образом, гендерные роли мужчин и женщин в тувинском обществе до 1921 г. исходили из традиционного уклада, когда мужчина был добытчиком, женщина – хозяйкой, которая не ограничивалась репродуктивными функциями, практически полностью выполняла домашнюю работу, участвовала в кустарном производстве для нужд домохозяйства войлока, кожи. Как показано выше, благодаря значительной роли женщин в экономике семьи, они пользовались относительной самостоятельностью и не были в полном подчинении у мужчин. Можно предположить, что статусные позиции мужа и жены в тувинской семье не были строго иерархизированы. Модель поведения мужчин была направлена на добычу пропитания, на коммуникации с внешним миром за пределами домохозяйства.

Модернизационный этап гендерного порядка в тувинском обществе и семье приходится на 1921–1944 гг., что хронологически совпадает с периодом Тувинской Народной Республики. На трансформацию гендерных отношений и возникновение нового гендерного порядка в тувинском обществе и семье оказали влияние политические события, в результате которых в 1921 г. было провозглашено самостоятельное тувинское государство со всеми атрибутами демократической республики: Конституцией, народовластием на основе Великих Хуралов, равными избирательными правами мужчин и женщин, равным участием мужчин и женщин в политике, управлении и экономике. Следует отметить тот факт, что политический, формально – правовой эгалитаризм опережал социальную практику и фактическое равноправие в семейно-бытовых отношениях, которое сформировалось не сразу. Принципиально важной составляющей нового гендер-

¹ На Л. Шварца ссылаются в IV томе – дополнении к III тому «Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832–1876 годов», составленным П.П. Семеновым и Г.И. Потаниным к русскому переводу работы немецкого географа К. Риттера «Землевание в Азии. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею Сибири, Китайской империи, Туркестана, независимой Татарии и Персии», изданному в Санкт-Петербурге в 1877 г. Данные дополнения к работе К. Риттера 1832 г. были сделаны на основе новейших данных с 1832 по 1876 гг. географами и путешественниками, большинство из которых были русскими исследователями.

² Ф.Я. Кон, политический ссыльный, поляк по национальности, в составе этнографической и антропологической экспедиции по поручению Северо-Восточного отделения Императорского Русского Географического Общества посещал Сойотию (Туву) в 1902–1903 гг.

³ А.А. Адрианов по поручению Императорского Русского Географического Общества предпринял путешествие за Саяны (в Туву) в 1883 г.

ного порядка помимо равных политических прав, равного доступа к государственным делам, образованию мужчин и женщин, на наш взгляд, становится изменение традиционной гендерной роли женщины: женщина наравне с мужчиной начала выполнять **роль добытчика** благодаря формированию рынка труда и оплачиваемой занятости. Тувинские семьи в этот период по мере активного вовлечения женщин в трудовые отношения впервые приобретают характер **семей с двумя доходами**. Работающая женщина в семье с независимым от мужа источником дохода становится новой гендерной и социальной нормой, легитимизированной законами Тувинской Народной Республики. Это явление, прежде всего, повлияло на ослабление экономической зависимости женщины от мужчины и формирование совершенно нового типа экономически самостоятельной женщины, что в результате повлекло за собой изменение гендерной власти в тувинской семье. За счет новых социальных практик и видов деятельности – обучения, получения образования, общественной деятельности в рамках партийных, ревсомольских, профсоюзных структур, меняется структура временных затрат женщины, ее активность впервые выходит за пределы домохозяйства и бытовых функций. В то же время для вовлечения женщин в трудовые отношения в экономике происходит их освобождение от части нагрузки по уходу за детьми за счет организуемых государством образовательных институтов коллективного присмотра за детьми – яслей и детских садов. Во внешнем социокультурном и политическом пространстве женщина впервые приобретает статус самостоятельного (от власти родителей, мужа) актора. Все это было серьезным движением к эгалитарной модели общества и семьи, однако полного как демографического, так и гендерного перехода не могло произойти за столь короткое время. Традиционные репродуктивная, хозяйственная роли женщин в семье сохраняются.

Следующим этапом трансформации гендерной власти в тувинской семье и обществе является советский период (1944–1991 гг.), при котором логически завершается процесс эмансипации тувинских женщин под влиянием общей гендерной политики советского государства, в основе которой была система поддерживающих мер в виде социальных льгот, пособий в связи с репродуктивными функциями женщин, равный доступ к массовым рабочим местам и гендерно недифференцированная система оплаты труда. В данный период тувинские женщины начинают опережать по уровню образования мужчин, показатели занятости женщин неуклонно растут, как и доля женщин-руководителей, появляются признаки демографического перехода: незначительными темпами начинается снижение рождаемости и брачности, хотя они и остаются при этом одними из самых высоких по стране, происходит постепенный рост урбанизации населения. Несмотря на повышение социального и экономического статуса женщин, мужчины в советский период во многом сохраняли статус главы семьи за счет трудовой активности и того, что они выполняли свою экономическую роль кормильца и добытчика.

В целом в стране была реализована модель, при которой активные на рынке труда женщины совмещали репродуктивные, бытовые и профессиональные роли. Тува не стала исключением. В исследовательской литературе это явление получило названия «двойное дно», «двойная занятость». В советский период достаточно активно исследовались вопросы структуры профессиональной занятости тувинских женщин (Козлов, 1988), развития инфраструктуры как предпосылки участия женщин в общественно-политической жизни (Бегзи, Кыргыз, 1988). Рост активности тувинских женщин связывался с развитием социальной инфраструктуры: бытовым обслуживанием, сетью общественного питания, дошкольных учреждений. Часть домашней работы, которую традиционно выполняла женщина в тувинском обществе, переходила на создававшуюся тогда сферу услуг, благодаря чему все более возрастала доля общественной, партийной работы в бюджете времени для тувинских женщин.

Следующим, третьим этапом трансформации гендерного уклада становятся кризисные 1990-е гг. и начало 2000-х гг., когда тувинское общество столкнулось с новыми политическими, экономическими, социальными изменениями, которые во многом определили современное состояние гендерного порядка. Для рассматриваемой темы из всех трансформационных процессов важно выделить изменение экономического положения мужчин, вызванное потерей такой социальной практики, как гарантированная занятость, которую обеспечивала советская индустриализация в Туве и коллективные формы организации сельского хозяйства. Потеря работы, доходов в зарождавшихся рыночных условиях для многих мужчин в указанный период привела к снижению их социального статуса, нисходящей социальной мобильности, что закономерно привело и к снижению статуса внутри семьи. Экономическая роль и статус женщин повышаются: их адаптационные возможности оказались выше в связи с сохранением сети социальных отраслей, которые и в советский период отличались высоким уровнем феминизации.

Современный гендерный порядок. На современном этапе гендерный порядок в тувинском обществе и семье характеризуется несколькими особенностями. Как показало исследование, сильны эгалитаристские тенденции, женщины во многом занимают лидирующие позиции, в том числе в принятии решений в семье, при этом главенство мужчины является ценностной уста-

новкой, которую признают и мужчины, и женщины. Однако между традиционным, где-то патриархальным восприятием мужчины как главы семьи и реальным положением мужчин в семье выявлена определенная рассогласованность. Реальность не совсем соответствует сохраняющемуся в нормативной культуре тувинцев гендерному стереотипу о мужчине как главе семьи. Рассмотрим результаты социологического исследования.

Главенство в семье. Респондентам были заданы вопросы о том, кто, по их мнению, должен быть главой семьи, кто является главой их семьи, а также о том, кто принимает те или иные финансовые решения в семье. В таблице 1 показано, что нормативное восприятие мужчинами и женщинами того, кто должен быть главой семьи, в принципе совпадает: 78,4 % опрошенных мужчин и 88,4 % женщин¹ ответили, что главой семьи должен быть мужчина. Данный факт свидетельствует о сохранении в ценностных установках патриархатной, андроцентрической культуры, в соответствии с которой главенство в семье принадлежит мужчине. 7,6 % мужчин и 1,7 % женщин считают, что в семье должна главенствовать женщина. В пользу равноправия высказалось 8 % мужчин и 4,1 % женщин.

Таблица 1 – Кто, по Вашему мнению, должен являться главой семьи: муж или жена?, %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Муж	78,4	88,4
Жена	7,6	1,7
Оба	8,0	4,1
Другое	0,2	0,6
Затрудняюсь ответить	2,1	2,3
Нет ответа	3,7	2,9
Итого	100	100

В вопросе о фактическом лидерстве в семье 65,7 % мужчин и 27 % женщин указали на главенство мужчины, что существенно ниже, чем в ценностных представлениях (таблица 2). И это особо заметно по оценкам женщин. Следует отметить, что 27 % женщин, находясь в супружеских отношениях, идентифицируют себя как главу семьи. По мнению 24,4 % респондентов-мужчин и 41,9 % респондентов-женщин, в их семьях равноправие. В данном случае мы наблюдаем более низкую концентрацию гендерной власти мужчин в тувинских семьях, чем в ценностных установках, более выраженное стремление женщин к эгалитарному типу гендерного взаимодействия.

Таблица 2 – Кто, по Вашему мнению, является главой Вашей семьи?, %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Я	65,7	27,0
Супруг (супруга)	9,3	29,7
У нас равноправие	24,4	41,9
Нет ответа	0,6	1,4
Итого	100	100

Таким образом, наблюдается определенное расхождение между представлением о том, кто должен быть главой семьи, и тем, как фактически обстоят дела. Главенство сохраняется за мужчиной, вместе с тем фактическое лидерство женщин выше, чем в декларируемых ценностных установках, как и равноправие в семье. В целом можно отметить тенденцию, когда мужчины склонны декларировать свое главенство в семье, а женщины стремятся к равноправию.

Гендерные стереотипы. В предложенных респондентам гендерных стереотипах утверждение о том, что «женщина должна быть главной в семье» получило поддержку лишь 0,6 % мужчин и 2,4 % женщин. И женщины, и мужчины практически единодушны в том, что главным в семье должен быть мужчина. Работать и зарабатывать должны оба супруга – так считают 36 % мужчин и 49,3 % женщин. Гораздо меньше поддержки получило утверждение о том, что «мужчина должен зарабатывать больше женщин и содержать семью» – 31,4 % мужчин и 42,6 % женщин придерживаются такого взгляда. Следует отметить, что такая тенденция характерна в целом для российского общества. О.А. Ефанова и М.П. Писклакова-Паркер, к примеру, полагают, что традиционный стереотип, согласно которому мужчина должен полностью обеспечивать семью, подвергся значительной коррозии (Ефанова, Писклакова-Паркер, 2020: 28).

Наименее популярным для обеих групп респондентов является утверждение, согласно которому «женщина должна быть женой, матерью, заниматься домом и воспитанием детей и не обязательно должна работать». Такое утверждение поддержало 16,3 % мужчин и 14,2 % женщин.

¹ В таблицах 1–6 представлены данные, соответствующие мужской и женской совокупностям опрошенных.

Таким образом, гендерно-ролевые установки опрошенных заключаются в том, что и мужчина, и женщина должны являться равными кормильцами семьи, а двухкарьерная семья с равным вкладом и мужчины, и женщины в финансовое благополучие семьи является социально одобряемой нормой в современном тувинском обществе. Такой расклад уменьшает возможности для проявлений гендерной дискриминации в семье по экономическим мотивам, когда вклад женщин в экономику семьи меньше, чем вклад мужчин, и по этой причине они зависимы от финансовых и иных решений мужчин.

Принятие решений. С распределением гендерной власти в семье неразрывно связан вопрос принятия ключевых решений в семье, прежде всего, в финансовых вопросах. Как показано в таблице 3, большинство респондентов – как мужчины, так и женщины – отметило, что решение о крупных покупках в семье принимается совместно – 62,2 % и 63,2 % соответственно. Это свидетельствует о преобладающей ориентации на совместное принятие решений.

Таблица 3 – Кто в Вашей семье принимает решение о покупке бытовой техники, автомобиля, недвижимости?, %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Всегда я	8,1	13,5
Обычно я	18,0	14,2
В равной степени я мой супруг (моя супруга)	62,2	63,2
Обычно супруг (супруга)	8,7	6,8
Всегда супруг (супруга)	1,7	0,3
Всегда или обычно другой член семьи	0,0	0,3
Нет ответа	1,3	1,7
Итого	100	100

Женщины чаще, чем мужчины, считают, что именно они всегда или обычно принимают решения о покупке бытовой техники, автомобиля, недвижимости.

Аналогичное распределение ответов наблюдается и в вопросе о покупках в кредит (таблица 4).

Таблица 4 – Кто чаще всего принимает решение о покупке в кредит?, %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Всегда я	7,6	17,4
Обычно я	13,9	20,9
Совместно	69,4	53,5
Обычно супруг (супруга)	7,6	7,4
Всегда супруг (супруга)	0,8	0,0
Другой член семьи	0,0	0,8
Нет ответа	0,7	0,0
Итого	100	100

Совместное принятие решений находится на первом ранговом месте среди ответов и мужчин, и женщин о покупках в кредит. Вместе с тем наблюдается достаточно выраженная разница в ответах мужчин и женщин, заявляющих, что именно они всегда или обычно принимают решения о покупках в кредит. Женщин, выражающих свою ориентацию на лидерство, больше, чем мужчин.

В сфере повседневных покупок лидируют женщины (таблица 5). Женщины, больше, чем мужчины, оценивают себя в качестве главных субъектов принятия решений в этих вопросах.

Таблица 5 – Кто в Вашей семье чаще всего принимает решение о повседневных покупках для дома, %

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Всегда я	2,3	26,7
Обычно я	8,1	32,4
Совместно	51,7	31,4
Обычно супруг (супруга)	30,8	4,7
Всегда супруг (супруга)	2,9	0,3
Другой член семьи	0,0	0,7
Нет ответа	4,1	3,7
Итого	100	100

В управлении бюджетом семьи не столь распространены модели, когда супруги отдельно друг от друга распоряжаются своими доходами в полной мере или частично (таблица 6). По частоте ответов главенство в распоряжении семейным бюджетом относится к женщинам – 34,1 %

женщин отметили, что именно они распоряжаются всеми финансовыми средствами в семье и часть общего бюджета отдают супругам. Такой позиции придерживается только 11,6 % мужчин-респондентов. Среди ответов мужчин доминирует позиция, согласно которой супруги складывают доходы, после чего каждый из супругов берет из общего бюджета столько средств, сколько ему нужно. Таким образом, поведенческие практики в сфере управления семейным бюджетом в современной тувинской семье указывают на заметное лидерство женщин. Тенденция в российских семьях в целом несколько иная. В исследовании М.К. Карповой, Э.О. Бученковой семейным бюджетом, по мнению респондентов, распоряжаются оба супруга на равных началах, 16 % указали, что это обязанность мужа, 4 % – обязанность жены (Карпова, Бученкова, 2021: 152).

Таблица 6 – Кто чаще всего распоряжается финансами в семье?

Варианты ответов	Мужчины	Женщины
Я распоряжаюсь всеми деньгами, часть отдаю супругу(е)	11,6	34,1
Мой супруг распоряжается всеми деньгами, и часть отдает мне	22,7	6,4
Мы складываем все деньги вместе, а потом каждый берет оттуда, сколько нужно	42,4	32,8
Мы складываем какую-то часть денег вместе, а остальными распоряжаемся раздельно	9,9	9,5
Каждый распоряжается своими деньгами	4,1	10,8
Другое	9,3	4,7
Нет ответа	0,0	1,7
Итого	100	100

Более выраженное стремление тувинских женщин к лидерству по сравнению с мужчинами в принятии финансовых решений в семье можно объяснить их внесемейной экономической активностью: по статистике уровень участия женщин в составе рабочей силы выше, чем у мужчин, следовательно, уровень занятости женщин также превышает занятость мужчин в трудоспособном возрасте, удельный вес работающих пенсионеров-женщин в процентах от общей численности пенсионеров соответствующего пола выше, чем у мужчин-пенсионеров, уровень безработицы среди женщин почти в два раза ниже, чем среди мужчин (таблица 7). В этой связи во многих семьях женщины не только приносят больший доход, но и сконцентрировали в своих руках властные полномочия по принятию финансовых решений.

Таблица 7 – Отдельные показатели активности женщин и мужчин Республики Тыва на рынке труда¹

	Женщина	Мужчина
Уровень участия в составе рабочей силы	65,1	61,2
Уровень занятости в трудоспособном возрасте	58,9	51
Удельный вес работающих пенсионеров (% от общей численности пенсионеров соответствующего пола)	24,6	13
Уровень безработицы	8,9	16,2

Заключение. Исследование показало единодушие женщин и мужчин в том, что главным в семье должен быть мужчина. Этот факт свидетельствует о том, что современные тувинские семьи, несмотря на их вариативность, воспроизводят традиционную модель. Вместе с тем современный тип тувинской семьи, сформировавшийся в результате трансформационных процессов, характеризуется тем, что фактическое лидерство женщин выше, чем в декларируемых ценностных установках. На формирование такого типа статусно-ролевых позиций влияет расширение социальной роли и функций женщины в Туве, которая выходит за пределы репродуктивной и хозяйственной сфер.

Современные гендерно-ролевые установки опрошенных заключаются в том, что и мужчина, и женщина должны являться равными кормильцами семьи, а двухкарьерная семья с равным вкладом и мужчины, и женщины в финансовое благополучие семьи является социально одобряемой нормой в современном тувинском обществе.

Женщины являются активными субъектами финансовой политики семьи, в том числе в сфере принятия финансовых решений. Такая гендерная диспозиция особо актуализируется в тех случаях, когда женщины становятся единственными работающими кормильцами в семье на фоне мужской безработицы и когда доходы женщины в семье значительно превышают уровень доходов мужчины.

¹ Статистический сборник «Женщины и мужчины России», 2020 г. Приложение «Информация в разрезе субъектов Российской Федерации». 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> (дата обращения: 23.01.2022).

В сфере принятия решений нужно отметить, что крупные покупки в семье являются в большинстве случаев результатом совместного решения. Однако женщины чаще, чем мужчины, считают, что именно они всегда или обычно принимают решения о покупке бытовой техники, автомобиля, недвижимости. В покупках в кредит и мужчины, и женщины предпочитают совместное принятие решения, в то время как в сфере повседневных покупок лидируют женщины. Женщины больше, чем мужчины, идентифицируют себя как главные субъекты принятия решений в этих вопросах.

Поведенческие практики в сфере управления семейным бюджетом в современной тувинской семье также указывают на заметное лидерство женщин. Таким образом, можно констатировать усиление позиций женщин в определении финансовых стратегий семьи, принятии решений, в том числе за счет концентрации в руках женщин финансовых ресурсов. Такая диспозиция гендерной власти в тувинских семьях далека от патриархатного типа и свидетельствует о продолжающейся трансформации гендерного порядка. Кроме декларируемого главенства мужчины в семье, сферы принятия решений, управления семейными финансами показали, что в тувинских семьях нет внутрисемейной иерархии, основанной на гендерной власти мужчин.

Список источников:

- Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 году (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т.3. Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII – XX вв.). М., 2007. С. 98–159.
- Анайбан З.В. Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М., 2005. 242 с.
- Базуева Е.В. Об эффективности функционирования институтов гендерной власти в современных семьях // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2013. № 1. С. 84–93.
- Бегзи А.Д., Кыргыс М.С. Развитие инфраструктуры как предпосылка участия женщин в общественно-политической жизни // Женщины советской Тувы. Кызыл, 1988. С. 19–26.
- Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. III. Вып. I. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Ленинград, 1926. 412 с.
- Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П. Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 26–36. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.3>.
- Землевание Азии Карла Риттера. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею Сибири, Китайской империи, Туркестана, независимой Татарии и Персии. Том IV. Дополнение к тому III. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832–1976 годов. Сост. П.П. Семеновым и Г.И. Потаниным. Изд. По поручению Императорского Русского Географического Общества. С.-Петербург, 1877. 770 с.
- Калачикова О.Н., Груздева М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (На материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.6>.
- Карпова М.К., Бученкова Э.О. Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9, № 1 (33). С. 149–155. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-1-19>.
- Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I. Урянхайский край. Петроград, 1914. 340 с.
- Клецина И.С., Векилова С.А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции и трансформации // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78–91. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7>.
- Козлов М.С. Изменение структуры профессиональной занятости женщин // Женщины советской Тувы. Кызыл, 1988. С. 4–18.
- Кон Ф.Я. Экспедиция в Сойотию / За пятьдесят лет. Собрание сочинений. Т. III. М., 1934. 294 с.
- Родевич В.М. Очерк Урянхайского края (Монгольского бассейна реки Енисея). СПб., 1910. 60 с.
- Силласте Г. Г. Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 4. С. 14–26. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2>.
- Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. 367 с.

References:

- Adrianov, A.V. (2007) Puteshestvie na Altay i Sayany, sovershennoe v 1881 godu (izvlecheniia) [A trip to the Altai and Sayans, made in 1881 (extracts)]. In: Urjanhaj. Tывa depтер: v 7 t. / sost. S.K. Shoigu. T. 3. Urjanhajskij kraj. Tuvinsko-russkie otnosheniia (nachalo XVII – XX vv.). Moscow: Slovo. P. 98–159. (In Russian)
- Anaiban, Z.V. (2005) *Zhenshchiny Tuvy i Khakasii v period rossiiskikh reform [Women of Tuva and Khakassia during the Russian reforms]*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. (In Russian)
- Bazueva, E.V. (2013) About the efficiency of the functioning of gender power institutions in modern families. *Proceedings of Voronezh state university. Series: economics and management*. (1). 84–93. (In Russian)
- Begzi, A.D., Kyrgys, M.S. (1988) Razvitie infrastruktury kak predposylka uchastiya zhenshhin v obshhestvenno-politicheskoy zhizni [Infrastructure development as a prerequisite for women's participation in public and political life]. In: *Zhenshchiny sovetskoi Tuvy [Women in Soviet Tuva]*. Kyzyl: Tuvinskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii. P. 19–26. (In Russian)
- Efanova, O.A., Pisklavkova-Parker, M.P. (2020) Modern Russian family under the conditions of changing gender relations. *Population*. (23: 2). 26–36. Available from: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.3>. (In Russian)
- Grumm-Grzhimailo, G.E. (1926) Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii kraj. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran [Western Mongolia and the Urianhai Region. An anthropological and ethnographic sketch of these countries]. Vol. III, iss. I. Leningrad: Gosudarstvennoe Russkoe Geograficheskoe obshchestvo. (In Russian)
- Iakovlev, E.K. (1900) Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny luzhnogo Eniseia i ob'iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia [Ethnographic review of the non-native population of the Southern Yenisei Valley and explanatory catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. Minusinsk: tipografiia V.I. Kornakova. (In Russian)

Kalachikova, O.N., Gruzdeva, M.A. (2019) Gender stereotypes in the modern family: women and men (on the basis of a sociological research). *Woman in Russian society*. (1). 64–76. Available from: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.1.6>. (In Russian)

Karpova, M.K., Buchenkova, E.O. (2021) Traditional gender stereotypes in modern conditions. *Science. Society. State*. (9:1). 149–155. Available from: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2021-9-1-19>. (In Russian)

Karruters, D. (1914) Nevedomaia Mongoliia. Uriankhaiskii kraj [Unknown Mongolia. Uriankhai Region]. Vol. I. Petrograd. (In Russian)

Kletsina, I.S., Vekilova, S.A. (2020) Gender relations in the Russian family: transformation trends. *Woman in Russian society*. (3). 78–91. Available from: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7> (In Russian)

Kon, F.Ya. (1934) Ekspeditsiia v Sioiotiiu. Za piat' desiat let. Sbranie sochinenii [Expedition to Soyotia / For fifty years. Collected works]. Vol. III. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. (In Russian)

Kozlov, M.S. (1988) Izmenenie struktury professionalnoy zaniatosti zhenshhin [Changes in the structure of women's professional employment] In: Zhenshhiny sovetskoi Tuvy [Women in Soviet Tuva]. Kyzyl: Tuvinskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii. P. 4–18. (In Russian)

Rodevich, V.M. (1910) Ocherk Urjanhayskogo kraja (Mongol'skogo bassejna reki Eniseja) [An outline of the Uriankhai region (Mongolian basin of the Yenisei River)]. St-Petersburg: Upravlenie vnutrennih vodnyh putej i shossejnyh dorog Ministerstva putej soobshhenija. (In Russian)

Semenov, P.P., Potanin, G.I. (eds.) (1877) Zemlevladienie Azii Karla Rittera. Geografii stran, vkhodiashchikh v sostav Rossii ili pogranichnykh s neiu Sibiri, Kitaiskoi imperii, Turkestana, nezavisimoi Tatarii i Persii., vol. IV, supplement to vol. III. Altaisko-Saianskaia gornaia sistema v predelakh Rossiiskoi imperii i po kitaiskoi granitse po noveishim svedeniim 1832–1976 godov [Land ownership of Asia by Karl Ritter. Geography of the countries that are part of Russia or bordering Siberia, the Chinese Empire, Turkestan, independent Tartary and Persia, vol. IV, supplement to vol. III, The Altai-Sayan mountain system within the Russian Empire and along the Chinese border according to the latest information from 1832–1976.]. St. Petersburg: tipografiia V. Bezobrazova. (In Russian)

Sillaste, G.G. (2020) Transitivity of the family and its subjectivity in the process of forming a new gender order. *Woman in Russian society*. (4). 14–26. Available from: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.2>. (In Russian)

Информация об авторе

О.Д. Натсак – кандидат философских наук, Ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1079250.

Information about the author

O.D. Natsak – PhD, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1079250.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.12.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 01.02.2022.